

В.В. Козловский

ПРАКТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОЦИОЛОГИИ

Современная социология постепенно приобретает характер расширяющегося круга социального, экономического, политического знания. Границы теоретического, эмпирического и прикладного социологического знания смещаются и на фундаменте «нормальной» социологии выстраивается новая система социологии вненаучного типа. Социология становится периферийной областью социальной информации.

Из самостоятельного фрагмента и проблемного блока знаний об обществе социология превращается в коммуникативно-информационный контекст социального и гуманитарного познания. Более того, из научного ведомства о больших «чугунных» законах истории, например, законе об общественно-экономических формациях, имевшего в рамках марксистской парадигмы эмпирическое подтверждение, законах функционирования в структурном функционализме, социология давно уже ушла и стала способом конструирования или достраивания реальных социальных процессов.

Социологические макроконструкции последней трети XX столетия независимо от их методологического вектора оказались практически в одном ряду концепций констатирующего и (в лучшем случае) объясняющего понимания. Попытки дать всеобъемлющую картину законов мировой истории исчерпали себя. Провозглашенное Ф. Фукуяма завершение истории было лишь констатацией смерти теории самоочевидности социальных изменений. Два столетия модернизации западной цивилизации, вовлекшие в свой глобальный оборот почти все мировые культуры, заставили их искать собственный ответ на вызовы ускоренной трансформации. Социология, нацеленная на обоснование и легитимацию интервенционистской модернизации, еще обеспечивала выявление объективных закономерностей (законов) нового буржуазного (как маркируемого господствующим экономическим классом) общества. Однако линейный характер модернизации был нарушен «неожиданным» вхождением в нее стран третьего мира и большинства стран незападной культуры. Нелинейное развитие потребовало все новых и новых парадигм объяснения экономического роста, догоняющего развития, риска и кризисов, утраты индивидуальности. Новые теории и объяснения не заставили себя ждать. Российское общество служит ярким примером зигзагообразной смены общественного порядка и социологических парадигм.

Сегодня можно констатировать хотя пока еще и не очевидное вытеснение прежней классической социологии на периферию научного знания, ослабление ее как общественно значимого инструмента подготовки и принятия решений, как мировоззрения и, конечно, как фабрики социальных технологий. Как в России, так и за рубежом практическая бесполезность традиционной социологии в роли наблюдателя и эксперта социальных процессов, состояний, событий становится все более явной. Социолога редко слушают и тем более воспринимают в качестве независимого ученого, профессионала в общественно-политических делах. Поэтому в социальных и вообще в гуманитарных науках идет быстрый

рост новых отпочковывающихся от социологии отраслей неакадемического знания, позволяющих прямо участвовать в создании современности как постоянно обновляющейся социокультурной среды, слабо поддающегося регуляции социального неравенства и пространства личностной самореализации. Так, появились социальная и культурная антропология, маркетинг, исследование рынков, социальные коммуникации, социальная работа, не говоря уже о чисто прикладных отраслях, таких, как связи с общественностью, реклама, конфликтология, социальные технологии, межсекторное партнерство и др.

Уже ставшие привычными, эти новые направления демонстрируют, с одной стороны, очевидную потребность в обществе, социальный заказ на практически ориентированное, прикладное знание для профессионалов, обеспечивающее занятость, и, с другой — спрос на знание для дилетантов и любителей, дающее способ ориентации в ситуациях возросшего риска выбора стиля жизни, качества потребления, социального статуса, круга общения. Конечно, такая нелестная картина социальной ангажированности социологии может покорибить, но именно в этих терминах проясняется, на мой взгляд, смысл ее ускользающего влияния и значимости. Подтверждением тому служат дефицит рабочих мест, ограниченная занятость для специалистов-социологов, выпускников факультетов социологии. В настоящее время в России специалистов по социологии готовят около 80 университетов. Официальное признание высшее профессиональное социологическое образование получило совсем недавно, в 1985 г. и окончательно — в 1989 г., когда были созданы два факультета социологии в МГУ и ЛГУ. Выходит, что число дипломированных социологов резко растет, но применения своим знаниям и квалификации по специальности они в большинстве своем не находят. Но это только видимое противоречие, ибо многие выпускники-социологи осваивают параллельные специальности по экономике, психологии, менеджменту, маркетингу, работе с персоналом, и таким образом встраиваются в систему занятости.

Следует признать, что содержание современного социологического образования не успевает за требованиями рынка труда и общественного спроса на профессионалов в области социального знания, компетентных социальных экспертов, способных практически помочь потенциальным заказчикам, государственным и негосударственным организациям, бизнесу, региональным элитам. Причин подобного положения немало, но некоторые совершенно очевидны.

Прежнее фундаментальное социологическое знание было ориентировано на интересы политических и экономических элит и было описательно наблюдающим, констатирующим или идеологически сконструированным для целей нормативного (в случае советского общества — директивного) политико-экономического строительства. Это характерно для общества модерна, индустриального и раннего постиндустриального общества. В зрелом информационном обществе, где крупное индустриальное производство уступило лидерство новейшим технологическим, коммуникативным, сетевым технологиям, где индивид постепенно, по мере насыщения, уходит от обаяния массового потребления, происходит заметная трансформация смысла социологии как практической науки, не выполняющей своей роли. Прагматические функции социологии все более агрессивно забирают и экономика, и политология, и психология, и менеджмент. Между тем в этих научных дисциплинах упор делается исключительно на технико-технологической составляющей, т. е. на целях максимизации успеха,

рациональности действия, и в гораздо меньшей мере на социально-культурной составляющей, которая требует постоянного исследования и экспертизы. Изменчивость многослойной социокультурной и коммуникативной среды, личного мира, конструктивная подвижность менталитета и габитуса новых поколений для технологически ориентированной науки и образования оказывается малодоступной, если вообще не остается за скобками.

В чем выражается практический смысл современной социологии? Ответ на этот двусмысленный вопрос, таящий уверенность в наличии у социологии смысла вообще и практического смысла в частности, может быть лишь гипотетическим.

Если общий смысл состоит в диагнозе современности, в выявлении специфики социального и культурного времени и пространства, то практический смысл современной социологии заключается:

во-первых, в поиске профессиональной идентичности, узнаваемости своего «товарного» знака, связанного не с именем ученого, а с новым социальным знанием, удовлетворяющим конкретные потребности личности, гражданского общества и государства;

во-вторых, в конструировании многомерной социальной реальности, частной и публичной жизни, символы которой уже присутствуют в повседневных социокультурных практиках;

в-третьих, в независимой оценке и экспертизе социальных и культурных стандартов индивидуального, группового и массового стиля жизни, жизненных траекторий поколений;

в-четвертых, как бы это академично ни звучало, в разработке концептуальных оснований, методологии и эпистемологии уникальной социокультурной истории глобального, регионального и локального масштаба, персонализации современного способа существования — иными словами, в теоретическом освоении социальной и культурной реальности;

в-пятых, в обогащении (уточнении и детализации) методического и технического оснащения социальных исследований, диагностики и экспертиз, чтобы избежать приблизительных, наивных представлений о собственном обществе и мире, чтобы уйти от ослепляющих социальных и идеологических химер.

Множественно говорили и писали о гласном, публичном характере и пользе социологии. Что понимается под этим, остается не совсем ясным. Доступность широкой публике или работа на власть, воздействие на общественное мнение и средства массовой информации или способность быть рентабельной для представителей социологии? Всякий раз возникает вопрос о статусе социолога и, конечно, социологии как научной отрасли, как области образования, как полезного для общества знания. Поэтому, когда вспыхивает дискуссия о том, за счет кого и чего можно сэкономить на науке и образовании, то, безусловно, взгляд государственных мужей и политиков сразу падает на социальные и гуманитарные науки. Российская академия наук уже давно страдает от бюджетного дефицита, давно ищет способы выживания и пути развития. Предварительные решения о значительном сокращении институтов в системе РАН коснулись именно гуманитарных и социальных наук. Отклик на них мы предлагаем читателю в публикуемом ниже решении Ученого совета Социологического института РАН. Выражаем надежду на то, что Социологический институт в Санкт-Петербурге не будет вычеркнут из списка жизнеспособных и продуктивных научных центров.